

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ СВЯЩЕННИКА
ПАНДАЛЕОНА

До наших дней дошло около двадцати пяти тысяч армянских летописных книг. Многие из них снабжены памятными записями (ишатака-ранами), несущими ценную и достоверную информацию. Они сообщают не только краткие сведения о заказчике, переписчике и дате переписывания, как обычные колофоны, но часто содержат сведения о политических событиях, социальных и экономических коллизиях своего времени, о биографии заказчика и других лиц, связанных с рукописью, и т. д. Именно поэтому их лучшие образцы справедливо относят к своеобразному жанру армянской историографии, приближающемуся к малым хроникам¹, данные которых уточняют или расширяют уже известные нам сведения других источников, а иногда предлагают совершенно новую информацию. К последним можно отнести ишатакаран священника Пандалеона рукописи № 1315 Института рукописей им. Месропа Маштоца на сборнике, большую часть которого составляют толкования Иоанна Златоуста. Эта запись, опубликованная католиком Гарегинем I Овсепяном, включает в себе историю обретения мощей и, насколько мне известно, не введена до сих пор в оборот европейской науки. Учитывая это, а также и важность сведений, отражающих политические реалии X в. Армении и Византии, я предлагаю здесь полный перевод этой памятной записи. Ишатакаран датируется 965 годом, вновь был переписан по заказу «Иоанна, брата царя» в 1315 г. (очевидно, в Киликии).

«История о персте святого апостола Петра и о его доставлении из Рима в Армению.

Во времена благочестивого и храброго императора греков Никифора, победителя в войнах с язычниками, который сокрушил иго исмаильтянское, отягчавшее выю христиан, раздробил им челюсти и захватил их неприступные крепости, в особенности великий, знаменитый и прославленный Тарс Киликийский и Крит, где проживали известные лгуны, злодеи и болтуны, и обратил их всех в рабов великого государства ромеев. Царь тот — второй после царя небесного. И принес он украшения их нечестивых мечетей во славу святой Софии.

Выпало мне, страдальцу Пандалеону, недостойному священнику, словно бы по велению божью, по приказу второго миродержца, господина моего старшего Абусахла-Хамазаспа, царя царей великого царства дома армянского, отправиться в путешествие туда, где царствует град Бюзандон, новый Рим, второй Вавилон и истинный Иерусалим, всевожденный, пречудесный во вселенной, недостижимый при нападениях и неприступный для врагов Константинополь. [Случилось это] в год четверста четырнадцатый армянского летосчисления, в праздник Богоявле-

¹ Хачикян Л. С. Памятные записи армянских рукописей как исторический источник // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960. С. 2—3. Использование памятных записей как исторических источников начинается с XVII в. К настоящему времени изданы каталоги памятных записей различных хранилищ армянских рукописей. Перечень опубликованных и неизданных (до 1959 г.) каталогов рукописей см. в кн.: Анасян А. С. Армянская библиология. Ереван, 1959. Т. 1. С. XXVII—XСII; 1976. Т. 2. С. V—XX (арм.); Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 375—391 (указанная там литература о памятных записях).

ния шестого января, в час пятый, когда я коснулся недостойными стопами пола дома господнего, [вступил] в покой бога нашего, в котором пребывал восхищенный и пораженный изумлением, ибо не были еще погашены зажженные лампы, которые соперничали с великим светом, то есть со вселенскими лучами.

И вдохнул в меня святой дух слова благие и прославляющие, чтобы заговорил я в сияющем храме слезными словами, ибо не сознавал себя на земле, но оказался [как бы] на втором небе, соответственно и славными оказались писания мои для просвещенных, весьма сведущих сих философов. И в то время, когда рассказали о трудах моих императору, когда с единодушным удовольствием и благословением включили мое ничтожество в среду лучших, и не было нареканий, [исходящих от] моего могущественного царя и моей страны Армянской, либо от моих духовных учителей, что вскормили меня и обучили. Пришлось мне быть учеником семерых вардапетов, внимать им и учиться у них в украшенном храме бога, о котором говорит пророк. „Придите и взойдем на гору господню и в дом бога нашего и будет показана нам его дорога и мы пойдем по стезям его“ (Исайя. 2. 19—20), ибо там собрано множество чудотворных философов, с дивными голосами и разными напевами, недоступными нашему разуму словами радостными для слуха внимающего бога. Не успокаиваясь, с утра до вечера молим вседержителя в чаянии спасения.

Вопрошал я во время розысков моих у многих и сие: „Нет ли частиц мощей св. апостолов Петра и Павла, которые почитаются и прославляются в великом Риме, названном Вторым Римом и именуемом Новым Иерусалимом“. Ответили и сказали [мне]: „Нет“. И причина этого такова, о чем поведал нам Бардуцан, из Эдессы, могучий муж, проникновенный философ, умелый в летописании. Он еще ранее сказал об этом: „Великий царь Юстианос [Юстиниан], когда закончил строительство святой чудноликой церкви Софии, умолял римлян дать часть мощей святых апостолов во славу святой церкви, дабы стала она, как и церковь в Риме, украшенной святыми апостолами, а заплатит он за них золотом, сколько они пожелают. По получении согласия, было отдано взамен шести мер [фол] золота шесть волос из бород святых апостолов. После того как заплатили столь невероятное количество золота, были принесены [волосы] в город Константинополь и оставлены в святой Софии. И по прошествии времени снова выдумали [что-то] римляне и вернули они, похитив [волосы], оттуда в Рим. И эта история бережно хранится в дарце великого императора Юстиниана“.

На обратной дороге задумался я, каким образом все народы как бы лишены мощей святых апостолов: индийцы, парфяне и мидийцы, эламиты и те, что обитают в Месопотамии, в Иудее и в Каппадокии, в Понте и в Азии, во Фригии, в Памфилии, в Египте и в области ливийцев, критяне и аравийцы, и только Рим был первым среди сущих.

Затем я мирно достиг страны нашей могуществом св. знамения и молитвами святых апостолов, и милостью обоих царей наших: Никифора и Хамазаспа, [и] услышал, от некоторых, что мощи св. апостолов находятся в гаваре Коговит. И не смог верить долгое время, что это так. Но явил мне господь новые замечательные чудеса, через посредство Харпа, армянского марзпана из исконного местного нахарарства страны Армянской мужа, преисполненного мудрости и совершенного умом, прямодушного в [вере] в бога и совершенного в вопросах любви к старшим, благодетельного к друзьям и милосердного к нищим, помощника для беспомощных, устроителя страны, преследователя нечестивых, украшающего церкви и уважающего братство иереев. Он знал историю святых апостолов [Варфоломея и Фаддея] в нашей стране, каковую он исследовал и изучил по точным сведениям с помощью истинной науки. Не по памяти передал свое сочинение, но вручил эту историю, [изложенную] ясными и понятными словами, записанную собственной рукой, дабы выявилась гордость страны нашей и величие царя нашего во всей Вселенной и дабы была эта история вечным вкладом в церковь во спасение царя нашего на протяжении

долгих дней жизни и отпущением грехов, и предводителем вечной жизни вместе со всеми домохадцами, женами и сыновьями, здравствующими и усопшими, также вместе с ишханами и правителями, равно как и с их слугами. Итак, уповая на благодать святого духа я начинаю эту историю»².

Первая часть «Хронографии» Маттеоса Урхаеци³, которая, как полагают, опиралась на труд Акоба Санаинци, автора XI в.⁴, дает нам почти дословные параллели памятной записи при описании побед в Киликии, военной добычи и личных качеств императора Никифора Фоки, «мужа доброго, святого, боголюбивого, исполненного всяких добродетелей и справедливости, победоносного и храброго во всех сражениях; милостивого к верующим во Христа», и т. д.⁵

Однако есть и существенные различия, касающиеся употребления византийской этнополитической терминологии в армянской средневековой историографии.

В византистике ныне считается доказанным как сохранение восточно-римской (византийской) государственности и континуитета ее государственно-политической теории, так и важность для возникновения и развития последней соответствующей этнополитической терминологии: «Романия» (Восточноримская империя), «ромей» (ее граждане), «Новый» или «Второй» Рим (ее столица).

Глубокое государственно-политическое и конфессиональное содержание, вкладываемое самими ромеями в эти термины, парадоксально, но непреложно предполагало, с одной стороны, прямое наследование «Романией» римского престижа и наследства, а с другой — воплощение в ней «царства божьего» на земле, что как бы давало ей верховные права на все народы христианской ойкумены: суверен Романии — помазанник Христов, а ее столица — не только Новый Рим, но и Константинополь — город святого императора Константина, основанный им по внушению свыше⁶.

Однако армянской историографии V—XII вв. в целом чужды были ойкуменические претензии ромеев. Греки именуются армянскими историками «ромеями» просто потому, что Восточная империя была частью Великой Римской империи, т. е. этноним «ромей» большинства армянских памятников связан с Римом Первым, а отнюдь не со Вторым⁷. В официальной армянской историографии до X в. наряду с Константинополем существовал Византий и только в XI в. Константинополь — эмблема Восточноримской христианской империи — окончательно вытесняет античный Византий, а случаи обозначения Константинополя Вторым Римом вообще чрезвычайно редки. И «Хронография» Маттеоса Урхаеци не составляет исключения. В сущности, только в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци (Дасхуранци), автора X в., находим мы обозначение Константинополя «Римом — столицей августовой»⁸.

Пандаleon же, называя Константинополь «Бюзандоном» (Византием), так как это принято в армянской историографии, именует его вместе с тем и «Вторым Римом» (и даже «Новым Иерусалимом»), демонстрируя не только свое полное понимание политического и конфессио-

² *Гарегин I католикос*. Памятные записи рукописей. Антилиас, 1951. С. 117—120.

³ *Маттеос Урхаеци*. Хронография. Валааршапат, 1898 (на древнеарм. яз.).

⁴ *Хачикян Л. С.* Акоб Санаинци — хронист XI века // Вестн. Ереван. ун-та. 1971. № 1. С. 22—48 (на арм. яз.).

⁵ *Маттеос Урхаеци*. Хронография. С. 5.

⁶ *Арутюнова-Фиданян В. А.* Второй Рим в армянской средневековой литературе (V—XII вв.) // International Conference of Armenian Medieval Literature: Theses of Reports. Yerevan, 1986. P. 82.

⁷ Там же.

⁸ *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алуанк. Ереван, 1983. С. 128 (на древнеарм. яз.); *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбадяна. Ереван, 1984. С. 75. Этот пассаж восходит к источнику VII в. См.: *Акопян А. А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 189.

нального смысла, вкладываемого византийцами в титулование своей столицы, но и свое приятие этого титулования. Для него Константинополь — Второй Рим, а Никифор Фока — «первый владыка» после царя небесного, в то время как Абусахл-Хамазасп только «второй миродержец» для Пандалеона.

В первой части «Хронографии» Маттеоса Урхаеци мы встречаем имя Пандалеона. Почти через 10 лет после составления нашей памятной записи Иоанн Цимисхий, преемник Никифора Фоки, возвращаясь также после побед над арабами в Сирии, послал письмо к «вардапету армян» Левонду-Пандалеону, приглашая его в Константинополь на праздник по случаю обречения сандалий Христа и волос Иоанна Крестителя и для диспута с греческими мудрецами: «Любезный нам и святого царства нашего любимый великий философ Пандалеон, здравствуй. И вот мы приказали, чтобы по возвращении нашем от татчиков [арабов] мы нашли Вас в святом нашем городе или в Слесине; [как] когда ты прибыл к нам от шахншаха Ашота, духовного сына нашего, и отвел от него наше недовольство и Баграта отправил к Папу Андзеваци, [а также] ты и я [отправили к Папу Андзеваци] протоспафария Сата Торнеци. И теперь ты постарайся, чтобы я встретил тебя в богохранимом городе нашем и там мы отметим великий праздник сандалиев Христа бога нашего и святых волос Иоанна Крестителя. И ныне я хотел бы, чтобы ты побеседовал с нашими мудрецами и философами, и чтобы мы возрадовались вами, а бог и вами и нами. И да будет господь Иисус со слугами своими»⁹. По Маттеосу Урхаеци, Левонд Пандалеон отправился в Константинополь и в беседах с греческими «вардапетами» был и непобедим и любезен, за что все славословили его и «учителей его», затем он «с великими дарами» греческого царя вернулся в «страну Армянскую, в великое царство Ширак»¹⁰.

Нужно сказать, что в действительности, очевидно, не все произошло именно так, как пишет Маттеос, поскольку Иоанн Цимисхий, отравленный, по свидетельству византийских источников, паракимоменом Василием, заболел по пути в Константинополь и скончался во время празднеств по поводу его побед. Но, так или иначе, нет сомнения, что армянский вардапет Левонд (или Пандалеон) пользовался доверием, уважением и дружбой царя. Пандалеон был весьма влиятельным другом, если сумел отвести немилость императора от шахншаха Ширакского и произвести какие-то перестановки среди армянских князей на службе Византии.

Лео отождествляет вардапета Левонда Маттеоса Урхаеци с философом и врачом Пандалеоном¹¹. Может быть, он идентичен автору нашей памятной записи¹². Если это так, то за 10 лет, протекших со времени составления памятной записи, он переехал в Ани — домен Ширакских Багратидов — сюзеренов армянских царств и княжеств, и стал признанным вардапетом. Известно, что этим именем в средневековой Армении называли ученых, которые, принадлежа к духовенству, могли не служить в церкви. Звание вардапета и его атрибут — посох вардапета — получали после специального экзамена. Вардапеты могли жить как при монастырях, так и при дворцах царей и католикоса¹³.

В. Варданян считает, что Византия подослала Пандалеона (автора ишатакарана) в Васпуракан с тем, чтобы склонить васпураканского владетеля на сторону империи, и обвиняет его в «намеренно лъстивом имен-

⁹ Маттеос Урхаеци. Хронография. С. 28.

¹⁰ Там же. С. 29. Наш перевод незначительно разнится от перевода Р. М. Бартияна. См.: Маттеос Урхаеци (Матфей Эдесский). Хронография / Пер., вступ. и коммент. Р. М. Бартияна. Ереван, 1973 (на арм. яз.). С. 18—19.

¹¹ Лео. Собр. соч. Т. II: История Армении. Ереван, 1967. Кн. II. С. 588—590, 776 (на арм. яз.).

¹² Предположение выдвинуто только как гипотеза. В настоящей статье я не ставлю своей задачей доказать их идентичность (это предмет отдельной работы).

¹³ Повествование Аристакеаса Ластивертци / Пер. с древнеарм., вступ. ст., коммент. и прил. К. Н. Юзбашяна. М., 1968. С. 13.

вании Абусахла пустыми титулами («второй самодержец, царь царей великого дома Армянского»), с тем, чтобы, во-первых, столкнуть васпураканских Арцрунидов и Ширакских Багратидов (законных сюзеренов всех армянских владетелей), во-вторых, подчинить Васпуракан Никифору Фоке и, в-третьих, поставить церковь Васпуракана под влияние византийской церкви¹⁴.

В. Варданян вслед за А. Г. Иоанниссяном полагает, что Пандалеон был «греческим иереем» и прибыл в Васпуракан с политической миссией подготовить присоединение васпураканского царства к империи, после того как Таронское княжество вошло в состав Византии¹⁵. В то же время исследователь не отрицает, что Пандалеон выступает в памятной записи как представитель васпураканского царя (но «выполняя волю своего господина императора Никифора») ¹⁶.

Итак, Пандалеон — грек, агент империи, выполняющий какую-то часть оперативного плана захвата армянских царств и княжеств. В какой мере этот несколько осовремененный образ адекватен Пандалеону — человеку армяно-византийского средневековья?

Обратимся прежде всего к личности и биографии Пандалеона. Был ли он греком? Очевидно, нет, так как именует Армению «нашей страной»¹⁷, пользуется армянским летосчислением¹⁸ и (если наша идентификация верна) ведет (или может вести) диспуты с греческими философами и священниками. Диспуты между армянскими и греческими богословами не были редки в Константинополе и устраивались либо в целях уточнения какого-нибудь общего для обеих церквей вопроса (вспомним диспут о пасхе, устроенный Василием II, в котором, по свидетельству Маттеоса Урхаеци, победил армянский вардапет Самуэл¹⁹), либо при попытках добиться унии халкидонитов и монофиситов²⁰. Пандалеон, названный «вардапетом армян» и долженствующий представлять в диспуте армянскую церковь, — очевидно, армянин-монофисит.

Письма Иоанна Цимисхия шахиншаху Ашоту Багратиду и вардапету армян Пандалеону в первой части «Хронографии» не просто поставлены рядом, но решены автором в едином ключе. Письмо Ашоту — это и своего рода отчет союзнику, действительно помогавшему (войсками и снаряжением) успеху «крестового похода» Иоанна Цимисхия против арабов²¹, в результате которого он вывез в Константинополь христианские святыни, и в то же время торжествующее письмо императора-победителя своему «духовному сыну» (т. е. вассалу), свидетельствующее милостивое к нему расположение. Письмо к Пандалеону — это и почтительное к сану и знаниям адресата послание, и свидетельство дружеского расположения к «любимцу» и соратнику в сложных и деликатных коллизиях, возникающих между армянскими царствами и княжествами и Византийской империей. Шахиншах Ашот, как и другие армянские владетели — предшественники и современники Ашота, — очевидно, признавал сюзеренитет византийского императора, поэтому определение Пандалеоном Никифора Фоки своим «верховным владыкой» — «первым после бога», а Абусахла-Хамазаспа только вторым естественно вытекает из вассальных отношений (пусть скорее *de jure*, чем *de facto*) и само по себе еще не делает Пандалеона ни «византийским шпионом», ни агентом, ловко использующим «льстивые и пустые титулы».

¹⁴ История армянского народа. Ереван, 1976. Т. III. С. 82 (на арм. яз.).

¹⁵ Варданян В. Васпураканское царство Арцрунидов (908—1024). Ереван, 1969. С. 176 (на арм. яз.).

¹⁶ Там же. С. 177.

¹⁷ Памятная запись. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 118.

¹⁹ Маттеос Урхаеци. Хронография. С. 45.

²⁰ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. Ереван, 1980. С. 53, коммент. 1.

²¹ География и цели похода Иоанна Цимисхия определили именно это название его кампании в современной историографии. См.: Walker P. E. The «Crusade» of John Tzimiskes in the Light of New Arabic Evidence // Byz. 1977. Т. 47. P. 301—327.

Вспомним, в какое время был написан колофон Пандалеона, а также письмо Иоанна Цимисхия вардапету армян. Царствование Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия в Византии ознаменовано успешными кампаниями против арабов в Киликии, Месопотамии и Северной Сирии. Оба императора заложили основу для того внешнеполитического подъема империи, который был достигнут в начале XI в. В то же время Багратиды и Арцруниды отвоевали большую часть своих земель у Арабского халифата и продолжали наступление на еще остававшиеся на армянской земле эмираты. В этот период Византия и армянские царства были естественными союзниками в борьбе против арабов.

Византия находилась на подъеме. Но и Великая Армения, Васпуракан и другие армянские царства и княжества наращивали свою политическую силу, опираясь на экономический расцвет эпохи «мирного строительства». Когда в 972 г. Иоанн Цимисхий, одержав победу над болгарами, отправился на Восток и прибыл в Армению, его, по свидетельству Маттеоса Урхаеци, встретила вся знать «восточной стороны», собравшаяся вокруг царя Великой Армении Ашота Багратуни (царь Сюника Пилиппэ, царь Алуанка Гурген, владетель Карса Абас, владетель Васпуракана Сенекерим, владетель Андзевацика Гурген и «весь род Сасуна» (сасунские князья) с 80 тыс. войска. К императору прибыло армянское посольство, утвердившее «любовь и мир» между императором Византии и Ашотом, царем Армении, главой армянских владетелей. Ашот снабдил Иоанна продовольствием и выделил ему 10 тыс. воинов для похода против арабов²². Тарон в это время уже принадлежал Византии: однако методы присоединения были достаточно дипломатичны. Таронские князья, теснимые арабами, склонялись к империи, пожаловавшей Григорию Тарониту сан магистра и стратига Тарона с ругой в 10 литров золотом и 10 литров в медных милиарисиях. Уже при Романе Лакапине (921—944) в Тароне появляются имперские чиновники, но только при Никифоре (963—969) в 967—968 гг. Тарон стал провинцией империи²³.

Движение Византии на Восток началось, но ни византийские, ни армянские средневековые авторы не воспринимали его как экспансию. Памятные записи, близкие по времени колофону Пандалеона, считают византийских императоров законными сюзеренами «страны Армянской». Так иштатакаран под номером 66 из свода Г. Овсепяна упоминает, что в 983 г. жил в Васпуракане «отец Григор из Нарекского монастыря Армении в гаваре Васпуракан во время ромейских царей Василя и Константина, которые правили Армянской страной», при этом «царем Васпуракана был благочестивый Сенекерим из рода Арцруни»²⁴.

Армянские князья, объединяясь с империей в борьбе с арабами и признавая ее сюзеренитет, не уступали ей в конфессиональных вопросах (что достаточно четко демонстрирует сложность и неадекватность их политической и идеологической позиций). Византия же с середины IX в. стремилась побудить светских и духовных владык Армении заключить унию с имперской православной церковью.

Переписка Фотия с Ашотом Багратуни приходится на 877—886 гг., кстати сказать, именно в это время выдвигается версия о происхождении Василия I Македонянина (867—886) из армянского царского рода²⁵. Константинопольский патриарх пишет, что его адресат (армянский царь) возлюбил общее для всех христиан царство (т. е. Византийскую империю) «с глубокой страстью» и «намерением чистосердечно ей подчиниться»²⁶.

²² Маттеос Урхаеци. Хронография. С. 17—18.

²³ Григорян Г. Политическое положение Таронского княжества (конец IX—60-е годы X в.) // ВОН. 1980. № 6. С. 70—72 (на арм. яз.).

²⁴ Овсепян Г. Указ. соч. С. 143. См. также памятную запись № 9 (Там же. С. 153—154; ср. также: С. 107, 130, 199).

²⁵ Adontz N. *Études arméno-byzantines*. Lisbonne, 1965. P. 81.

²⁶ Darrouzès J. Deux lettres inédits de Photius aux Arméniennes // REB. 1971. Vol. 29. P. 153, 12—14.

В ответном послании Фотию Ашот Багратуни обещает нерушимо пребывать «в служении и подчинении вашему святому и богоданному царству, согласно завещанному нам священному писанию».

В состав «Книги посланий» включена грамота армянского царя Гигика I, адресованная, как значится в инскрипции, императору Роману Лакапину (920—944), хотя по тексту ясно, что адресатом был и какой-то неназванный константинопольский патриарх²⁷. Армянский царь именует себя «рабом» патриарха и императора, заявляет, что Армения искони повиновалась императорскому престолу и патриаршей власти, о чем свидетельствуют сочинения историков; армяне не только выплачивали императору подати, но и были причастны и равны в святой вере. Однако далее автор излагает армянское вероучение, отличное от имперского. В обоих случаях армянский правитель, признавая себя вассалом Византии, независим в конфессиональных убеждениях.

В эпистолярном наследии Николая Мистика под № 139 есть послание некоему «архонту архонтов»²⁸ (напоминание о разногласиях армян с византийской церковью и о том, что их духовный владыка — «католикос», указание на переписку патриарха Фотия свидетельствует, что это послание было направлено армянскому царю). И очень четко проводится нажим на адресата. «Ибо точно так, как, выказывая верность дружбе, ты оказываешься приобщенным к христолюбивому нашему императору и нашей святейшей божьей церкви, — так же следует приобщиться к исповеданию истины и к здравому суждению о правильном учении. Следует кончить с положением, когда в дружбе вы привязаны к нам, а в приобщении к истине находитесь вдали». Николай Мистик советует рукоположить армянского католикоса (очевидно, преемника Иоанна Драсханакертци) в Константинополе²⁹⁻³⁰.

По всей вероятности, эти планы не были осуществлены. Вспомним, что сам Иоанн Драсханакертци (40-е годы IX в.—925 г.) в переписке с Константином Багрянородным сообщал о своей мечте посетить Константинополь, но, как только такая возможность явилась, уклонился от поездки, боясь обвинения в единении с халкидонитами³¹.

Тем не менее, очевидно, наметились какие-то пути к смягчению разногласий между армянской и византийской церквями³². И возможно, что автор колофона Пандалеон и вардапет Пандалеон — адресат Иоанна Цимисхия — это лицо (или лица, если наша идентификация неверна), которое могло появиться именно в период наибольшего сближения двух миров в областях политической и конфессиональной. Недаром Пандалеон, автор колофона, не только признает сюзеренитет Византии по отношению к Абусахлу-Хамазаспу, но, что гораздо важнее, осведомлен и принимает официальную имперскую этно-политическую терминологию. Пандалеон — адресат Цимисхия находится в дружеских отношениях с императором, приглашается на общий для всех христиан (независимо от толка) праздник обретения священных реликвий в Константинополь и на богословский диспут. И хотя он «проявил себя непобедимым среди вардапетов царства греческого», но на все вопросы он отвечал так исчерпывающе и «любезно», что все «славословили его и его учителей»³³.

Памятная запись иерея Пандалеона и богословский диспут в Константинополе, лишенный фанатизма, являются, таким образом, наглядными свидетельствами политического и даже конфессионального сближения Армении и Византии во второй половине X в.

²⁷ Книга посланий. Тифлис, 1901. С. 295—301 (на арм. яз.). Мы здесь не станем углубляться в вопросы идентификации армянского контрагента Романа I и изучение точного времени отправки послания. Для нас важно, что и при Романе продолжают попытки сближения церквей.

²⁸ PG. T. 3. Col. 361—365.

²⁹⁻³⁰ Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX—XI вв. М., 1988. С. 111—112.

³¹ Иоаннес Драсханакертци. История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 190, 197.

³² Некоторые формулы Ширакаванского собора 863 г.

³³ Маттеос Урхаеци. Хронография. С. 29.